

24.10.92.

МОГУЧИЙ ТАЛАНТ

Среди славных деятелей чувашской музыкальной культуры Федору Павловичу Павлову (1892—1931) принадлежит особое место. Его имя обессмертили созданные им произведения литературы и искусства. Но он был еще и незаурядным хоровым дирижером, скрипачем, музыкальным педагогом, фольклористом, теоретиком и театральным искусством, публицистом, видным работником юстиции, общественным деятелем. Сколько нужно было иметь энергии, чтобы вести такую разностороннюю, кипучую работу!

«Я прежде всего работник культуры. Свою служебную деятельность в силу этого не могу ограничивать исключительно служебными рамками...», — писал Ф. Павлов в июне 1923 года, в период работы членом гражданского отдела областного суда. А через два месяца самостоятельный чувашский национальный хор, организованный им в год образования Чувашской автономии, с огромным успехом выступил в Москве, на Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставке и в Спасском зале Кремля. В основном были исполнены обработки и песни самого Павлова («Чебоксарский посюшок», «Линка-линка», «Вниз по нашей улице» и другие).

К этому времени Ф. Павлов был уже автором двух песенных сборников («Чувашские песни», «Голос дятлов»), комедии «Судра» и драмы «Ялта», ряда фельетонов и рецензий о литературе и искусстве.

ЗВЕЗДА ПЕРВОЙ ВЕЛИЧИНЫ

При жизни он, вероятно, был меньше известен, чем сейчас. Времена были другие. Скрытый, не падающий на славу и удивительно талантливый человек, он нес в себе лучшие черты своего народа. Через его ум и сердце проходили мудрость и нежность, доброта и терпение, трудолюбие и душевная чистота чувашской нации.

Вечера, посвященные столетию со дня рождения выдающегося чувашского драматурга, композитора и педагога Федора Павловича Павлова, начались в республике еще несколько недель назад. Он родился 25 сентября, но торжества продолжаются. В октябре состоялись концерты и вечера памяти Ф. П. Павлова в Цивильском районе, Ульяновске, Чебоксарском музыкальном училище его имени и в других местах. Звучат его песни по радио, театры играют его песни.

Федор Павлов — из плеяды питомцев Ивана Яковлевича Яковлева. Он учился в Симбирской чувашской школе вместе с Константином Ивановым, автором бессмертной «Нарспи», поэтом Николаем Шупинским, организатором Чувашского театра, и кинорежиссером И. Максимовым-Кошкинским. Еще до Октябрьской революции Симбирская школа И. Я. Яковлева вырастила более тысячи учителей, самые лучшие из них впоследствии стали крупнейшими деятелями чувашской культуры. И вот уже многие десятилетия звезда первой величины сияет на ее небосклоне драматурга и композитора Федора Павлова.

Стихов на чувашском и русском языках. Являясь преподавателем по классу скрипки, ведя курс музыкальной этнографии и истории музыки в Чебоксарской музыкальной школе, он выступает перед общественностью и с докладами, научными рефератами. Ему тогда едва минуло тридцать лет. Откуда же у человека, относительно молодого, было столько знаний, причем разносторонних, если он не имел даже высшего образования?

Он их приобрел в ходе учебы в Симбирской чувашской учительской школе (1907—1911) и Симбирской духовной семинарии (1913—1916), а также пребывания в Северо-Восточном археологическом и этнографическом институте в Казани в качестве волонтера (1918—1920). Как музыкант он уже сформировался в учительской школе И. Я. Яковлева, откуда вышли почти все первые чувашские композиторы (Ф. Павлов, С. Максимов, Г. Лисков) и профессиональные певцы (И. Васильев, А. Токсин, А. Казаков). Здесь Ф. Павлов изучил теорию музыки, овладел скрипичной игрой, участвовал в хоре, в струнном квартете и ученическом симфоническом оркестре. В Чувашской школе, как в консерватории, с утра до вечера раздавалась музыка, — писал он впоследствии, с благодарностью вспоминая своего великого учителя И. Я. Яковлева. Источником возрождения всей чувашской культуры назвал эту школу А. В. Луначарский.

Весьма плодотворной была работа Ф. Павлова в Симбир-

ской чувашской школе учителя пения (1911—1913). Лучших своих воспитанников И. Я. Яковлев оставлял у себя, в их числе были Ф. Павлов и С. Максимов, отличавшиеся ярким музыкальным дарованием, а также К. Иванов, автор поэмы «Нарспи».

Тогда и начинается композиторская деятельность Ф. Павлова. К тому времени у него были и фольклорные записи народных песен, произведенные у себя на родине в селе Богатырево, частично вошедшие в сборник П. Пазухина (Симбирск, 1912). Первые опыты в композиции связаны с гармонизацией народных песен («Ласточка», «Легенда», «Утку белую лустил»). Появляются и оригинальные сочинения в области вокально-симфонической музыки: для солиста, хора и оркестра были написаны две пьесы, изобразительные народные обряды. Годы работы в Симбирской чувашской школе особенно много дали ему в искусстве управления хором и овладении хоровым письмом. Не случайно впоследствии Ф. Павлов стал одним из лучших хоровых дирижеров в Чувашии и большим мастером песенно-хорового искусства.

Сохранился фотоснимок 1913 года: Ф. Павлов среди участников школьного симфонического оркестра, он сидит в качестве концертмейстера первых скрипок, а за дирижерским пультом — С. Максимов. Тогда же, 22 и 23 февраля, в ознаменование 100-летия Оте-

чества, живущие на одной деревни, но все они удивительно разные. А тяжба между ними — по архипастышному поводу: будто бы сноха Крахтия не позволила свекру Ухтерке пооблагодетельствовать пирогом, а однажды даже вытолкнула его из избы на улицу. И вот свекор подал на сноху в суд, решил «проучить» ее. Пусть мировой судья и рассудит, кто прав, кто виноват. Есть у Ухтерке и свидетели, но они то и дело меняют свои показания не в его пользу, вызывая в зрительном зале взрывы доброго смеха...

Именно с таким теплым юмором относится автор к Ухтерке. Он типичный чувашский крестьянин деревенской деревни, ему, бедолаге, живется несладко, но он не унывает. Из своей нищеты, убогой деревни он никак не выскажет. Правда, видел однажды горящий город Пидильск, но и то лишь во сне. Всю житиевую мудрость он приобрел в своей деревне. И она сполна проявляется в его чудачковом поведении на суде: тут и хитрость мужицкая, но и доброе отношение к людям. На суде же выясняется, что сноха хочет вступить в дом в качестве мужа отпущенника Кривоногова, да и Ухтерке (тоже хитрец) мечтает жениться на ласковой односельчанке Сапани. Когда судья заикнулся (разумеется, нарочно), что сноху можно посадить в тюрьму, Ухтерке категорически заявил: «В тюрьму ее не дам! Ты только сделай так, чтобы она не запрещала мне есть пироги и... жениться».

Порой даже хочется сказать: это же энциклопедия жизни чувашей тех лет. В пьесе замечательны сотни жизненных нюансов, подвохов, теней. А что за язык! Что за характеры! Хотя все персонажи комедии — люди из одной

деревни, живущие на одной улице, но все они удивительно разные. А тяжба между ними — по архипастышному поводу: будто бы сноха Крахтия не позволила свекру Ухтерке пооблагодетельствовать пирогом, а однажды даже вытолкнула его из избы на улицу. И вот свекор подал на сноху в суд, решил «проучить» ее. Пусть мировой судья и рассудит, кто прав, кто виноват. Есть у Ухтерке и свидетели, но они то и дело меняют свои показания не в его пользу, вызывая в зрительном зале взрывы доброго смеха...

Именно с таким теплым юмором относится автор к Ухтерке. Он типичный чувашский крестьянин деревенской деревни, ему, бедолаге, живется несладко, но он не унывает. Из своей нищеты, убогой деревни он никак не выскажет. Правда, видел однажды горящий город Пидильск, но и то лишь во сне. Всю житиевую мудрость он приобрел в своей деревне. И она сполна проявляется в его чудачковом поведении на суде: тут и хитрость мужицкая, но и доброе отношение к людям. На суде же выясняется, что сноха хочет вступить в дом в качестве мужа отпущенника Кривоногова, да и Ухтерке (тоже хитрец) мечтает жениться на ласковой односельчанке Сапани. Когда судья заикнулся (разумеется, нарочно), что сноху можно посадить в тюрьму, Ухтерке категорически заявил: «В тюрьму ее не дам! Ты только сделай так, чтобы она не запрещала мне есть пироги и... жениться».

Скажу без преувеличения: в разные годы разные ре-

«Сарнай». Национальный хор, руководимый им, обогатил свой репертуар новыми песнями. Этот коллектив, совместно с хором В. П. Воробьева, послужил базой для создания в 1924 году Чувашского государственного хора (ныне ансамбль песни и танца). Сборником «Сарнай» (1924) долгие годы пользовались все общеобразовательные школы и хоровые коллективы. В нем наиболее полно представлено хоровое творчество композитора: около 70 обработок и несколько оригинальных песен. Композитор глубоко проникся поэтическими и музыкальными образами народной песни и вернул ее народу — созданию еще более прекрасной, обновленной и художественно обогащенной. Его обработки стали классическими произведениями чувашской музыки.

Для своих хоровых произведений Павлов брал песни разных жанров и разных тематических групп: хорошевые, игровые, молодежные, обрядовые, лирические, плясовые. Вершина его хорового творчества — обработки последних лет жизни, такие, как «Медные подковы» (1927), «Сережень», «Свадебная», «Колыбельная» (1928), «Тютель» (1929).

Нельзя без волнения слушать, например, лирико-эпическую «Сережень» («Мы овраги перешли, где медведю нет пути»), приближающуюся по форме к разрывной хоревой скачке, каждый эпизод кото-

рой воплощает контрастные картины старинного весеннего праздника. Тончайшей отделкой выразительных деталей привлекает обработку популярной «Свадебной». Звонкое монолитное звучание хора, как бы выражающее радость-приподнятое настроение, обточенный чувством массы, выразительный аккомпанемент фортепианной партии, естественно вплетающийся в музыкальную ткань произведения, богатый оттенками юмора и лукавства народный стих — все это зримо передает характерный для чувашской свадьбы художественный образ. На таких замечательных образах обработки народно-песенного материала могли бы учиться и современные авторы.

У Федора Павлова учились и композиторы, жившие с ним, и его первые ученики по музыкальному техникуму (Г. Хлебю, Ф. Лукин и другие). Исключительной популярностью пользовались его массовые хоровые песни на современные темы. Жить и творить для современников было для него высшей целью.

Его перу принадлежит также первое произведение чувашской симфонической музыки — балетная фантазия «Сарнай и палнай», возникшая, как и вокальные сочинения, под прямым воздействием песенно-танцевального фольклора. Благодаря яркой мелодичности, живости и увлекательности основных музыкальных образов она остается и в настоящее время одним из репертуарнейших оркестровых произведений.

Ценным материалом для исследований народной музыки служат музыкально-этнографические очерки «Чуваши и их песенное и музыкальное творчество», статьи «Чувашская музыка», «Чувашские гусли», «Умолкнувшие звуки», «Образная песня» и другие работы Ф. Павлова, опубликованные в двадцатые годы. А сколько мог бы он оставить будущим поколениям новых, еще более прекрасных творений, если бы не ранняя смерть, сразившая его, студента Ленинградского консерватории.

Федор Павлов — подлинно народный художник. Он отдал чувашскому искусству лучшую часть своей души, сердце пламенного гражданина.

Ю. ИЛЮХИН,
заслуженный работник
культуры Российской Федерации.

тысячи сельских драматических кружков ставили в чувашских деревнях эту комедию. Народные артисты СССР, РСФСР, Чувашской Республики Б. Алексеев, А. Ургалкин, П. Иванов, Д. Столярова, Е. Шорникова создали, играя в ней, прямо скажем, классические образы.

Другая пьеса Федора Павлова, тоже давно вошедшая в чувашскую классическую литературу, — многоактная драма «Ялта» («В деревне»). Зарядка судьба этого произведения. Вот уже семьдесят лет живет она на сценах чувашских профессиональных и народных театров. Впервые драма увидела свет в журнале «Шурмуш» в 1922 году. В ней показана трагическая судьба молодой чувашской женщины Елюк в годы первой мировой войны. Мужа ее, Ванюка, забрали на войну, она осталась одна с ребенком и вынуждена батрачить. К красивой молодой женщине начал приставать богатый Степан. Он, похоже, в самом деле влюблен в нее. И чтобы расползти Елюк к себе, он придумывает коварный ход: сочиняет письмо (будто бы от друга Ванюка) о гибели ее мужа. Не выдержав страданий, Елюк бросается в омут, и Степан (как раз ожидавший того) спасает ее. И Елюк выходит замуж за своего «спасителя». Но в разгар свадьбы вдруг появляется Ванюк. Он умоляет Елюк, чтобы она опомнилась, вернулась к нему. Но она отказывается. И тогда Ванюк стреляет в свою жену... Таков сюжет этой очень динамичной драмы.

В разные годы разные ре-

жиссеры по-разному трактовали драму «Ялта». Иные оправдывали влюбленного Степана, другие бились кровопийца-богача. Третьи считали, что автору следовало убить не Елюк, а Степана. Но оспаривать это было бы глупо. Федор Павлов точно знал расстановку сил в тогдашней деревне: он своими глазами видел ее расхождение. Может быть, все не это, а ревность погубила Елюк? Но, думаю, все сложнее. Не было в те годы мира и лада в деревне. А чуть позже на глазах автора происходила и гражданская война. Все эту сложную реальность и отразил Федор Павлов в драме «Ялта».

Секреты невиданного успеха пьес «Сутра» и «Ялта», мне кажется, в том, что Федор Павлов был очень талантливым человеком. И он хорошо знал жизнь. От его пьес невозможно оторваться, в них выведены интереснейшие характеры, они написаны отличным, сочным, подлинно народным языком. Про его творчество смело можно сказать, что оно народное, ибо близко, понятно и дорого всем. Хочется думать, что оно признано народом на века.

Но нас и сегодня не покидает досада, что Федор Павлов умер так рано, тридцати девяти лет (от туберкулеза). Хоронили его в городе Сочи, куда он поехал лечиться. Его нет в живых более шестидесяти лет, но в духовной жизни чувашского народа имя его сияет яркой звездой.

Николай ТЕРЕНТЬЕВ,
народный писатель
Чувашии.